

А. Кучинский

ОПИСАНИЕ СИБИРИ XVIII в.

(МАТЕРИАЛЫ Л. СЕНИЦКОГО О СИБИРСКИХ
АБОРИГЕНАХ И ИХ КУЛЬТУРЕ)

В истории изучения Сибири немало сделано польскими учеными и путешественниками, однако труды многих из них забыты. Между тем благодаря работам этих зачинателей польского сибиреведения далекая от их родины Сибирь как бы приближалась к ним, раскрывая богатства страны и своеобразную культуру населения. Можно сказать, что этнографическое исследование Сибири начиналось не только трудами русских авторов XVII и XVIII вв., но и сообщениями ссыльных поляков¹.

Среди ссыльных было много просвещенных людей, сообщения которых содержат важные материалы по материальной и духовной культуре многих этнических групп Сибири. Очень часто эти описания представляют собой ценное дополнение к русским источникам XVII и XVIII вв. и, несмотря на немалые недостатки, отличаются объективностью и достоверностью.

* * *

К числу таких источников относится малоизвестный «Документ особого милосердия божьего...» (Вильно, 1754)², написанный Людвиком Сеницким (1677—?). Автор, полковник польских королевских войск, в 1707 г. попал в плен, был увезен в Москву, потом в Тобольск, а затем в Якутск. Пробыв в ссылке до 1722 г., Л. Сеницкий имел возможность близко видеть жизнь сибирских народов, более всего якутов. «Документ...»³ написан позже известного «Дневника» Каменского-Длужика⁴, но увидел свет раньше. Л. Сеницкий оказался в Сибири одновременно с пленным шведским офицером Ф. И. Страленбергом⁴. Близки по времени к «Документу» работы участников Второй Камчатской экспедиции

¹ Z. Librowicz, *Polacy w Syberji*, Kraków, 1884; M. Janik, *Dzieje polaków na Syberji*, Kraków, 1928; A. Kuczyński, *Wkład polaków w badania nad ludami Syberii i ich kultura*, «Lud», 1968, t. 51, s. 503—584.

² Полное название мемуаров Л. Сеницкого: «Dokument osobliwego milosierdzia Boskiego Cudownie z Kałwińskiej Sekty Pewnego Sługę y Chwalcę swego do Kościoła Chrystusowego pociągający, z wykładem niektórych Kontrowersyi zachodzących między nauką Kościoła Powszechnego Katolickiego, a podaniem wymyślonych rozumem ludzkim Luterąńskiej, Kałwińskiej, Greckiej y innych w tey księdze wyrażonych y namienionych Sekt, y z wspomniemem o mniej znanych Moskiewskiego Państwa krainach w pogańskich błędach jeszcze zostających, dla duchowego pożytku ludzi w różnych Sektach od jedności Powszechnego Kościoła odpadłych, częścią z uporu, częścią z niewiadomości żyjących, w druku pierwszy raz wychodzący», Wilno 1754.

³ Первое польское описание Сибири см.: «Dyaryusz więzienia moskiewskiego miast i miejsc spisany przez Adama Kamińskiego. Książka zbiorowa ofiarowana księdzu Franciszkowi Bażyńskiemu proboszczowi przy kościele św. Wojciecha w Poznaniu na Jubileusz 50-letniego kapłaństwa w dniu 23 kwietnia 1874 c. od jego przyjaciół i wielbicieli», Poznań, 1874. Об этнографических материалах, содержащихся в «Дневнике...», см.: A. Kuczyński, *Pierwsza polska relacja o ludach Syberii*, «Etnografia Polska», 1968, t. 12, s. 173—187.

⁴ F. I. Strahlenberg, *Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia*, Stockholm, 1730. Cp.: S. Kałuzynski, *Polskie badania nad Jakutami i ich kultur*, «Szkice z Dziejow Orientalistki Polskiej», 1966, № 2, s. 174.

(1733—1743) С. П. Крашенинникова и Г. Стеллера⁵, а в польской литературе упомянутые мемуары Каменского-Длужика и «Дневник» Копца⁶. Эти работы подтверждают правильность многих этнографических наблюдений Л. Сеницкого. Не следует, однако, забывать, что «Документ» дает неполную картину жизни народов Сибири. В центре внимания автора находились лишь увиденные в ссылке наиболее важные для него черты жизни народов,—пища, жилище, одежда, домашние занятия, привычки и обычаи. Нелегкая жизнь в сибирской ссылке отнюдь не способствовала глубоким наблюдениям и своевременным записям. Поэтому только то, что многие годы спустя сберегла память, запечатлелось на нескольких первых страницах «Документа». Здесь содержатся материалы, которые должны быть приняты во внимание при воссоздании картины культуры сибирских аборигенов первой половины XVIII в.

Путь Л. Сеницкого в Сибирь начался в Москве и шел этапами через Пермь, Верхотурье, Тобольск и далее в Якутск. Первым неизвестным ему народом, с которым он столкнулся по пути, были обитатели «земли пермской, то есть зырянской, иной [чем русские], язык и обычаи имеющей» (стр. 7)⁷. Несомненно, автор «Документа» встретился тогда с населявшими Прикамье коми-зырянами и коми-пермяками, народами так называемой пермской ветви финно-угорской языковой семьи. Племена коми относительно рано познакомились с русской культурой. Так, Л. Сеницкому известно, что они были обращены «в русскую веру» епископом Стефаном Пермским. Сведения автора «Документа» о коми-зырянах и коми-пермяках относятся, прежде всего, к духовной культуре. Он пишет о почитании коми огня, который как сила благодетельная и вместе с тем разрушительная представлял собой один из самых существенных элементов их верований. По-видимому, в мировоззрении обеих этнических групп сохранялось много традиционных представлений, которые пережили двухвековую проповедь православия.

Миновав земли коми-зырян и коми-пермяков, Л. Сеницкий проехал через территории расселения манси, а затем хантов. Этнографические сведения об этих народностях изложены без определенной системы и затрагивают разные стороны их материальной, социальной и духовной культуры. О хантах он пишет, что они «по водам плавают, рыболовством себе пищу добывают, рыбью кожу выделывают и одежду из нее шьют воде как богу поклоняются» (стр. 9). Это сообщение Сеницкого требует уточнений. Дело в том, что не у всех групп хантов основой существования было рыболовство, ибо ряд родов занимался равным образом охотой и оленеводством.

Рассматривая путь автора «Документа», можно прийти к выводу, что к хантам, «плавающим по воде», относились роды, населяющие в начале XVIII в. бассейн Оби, где по рекам Казыму, Сосьве, Ваху, Югану и Агану были сосредоточены поселения рыбаков⁸.

Остановимся на другом утверждении Сеницкого, что ханты «воде как богу поклоняются» (стр. 9). Из этого беглого замечания трудно сделать определенный вывод, тем более, что оно не подтверждается

⁵ С. П. Крашенинников, Описание земли Камчатки, Л., 1949; G. W. Steller, Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, dessen Einwohnern, deren Sitten, Nahmen, Lebensart und Verschiedenen Gevohnheiten, Frankfurt — Leipzig, 1774.

⁶ «Dziennik podróży Józefa Kopcia przez całą wzdłuż Azją, lotem (ladem) do portu Ochotska Oceanem przez Wyspy Kurylskie do niższej Kamczatki i stamtąd napowrót do tegoż portu na psach i jeleniach», Wrocław, 1837. Подробнее о Ю. Копце и этнографических материалах в его дневнике см.: А. Кучынский, Wkład polskich podróżników do historii etnografii. Relacje Józefa Kopcia o ludach Syberii, «Etnografia Polska», 1969, z. 1, s. 87 — 128.

⁷ Здесь и далее в круглых скобках указаны страницы по изданию 1754 г.

⁸ Е. Д. Прокофьева (с участием В. Н. Чернецова и Н. Ф. Прытковой), Ханты и манси, «Народы Сибири», М.—Л., 1956, стр. 576.

другими источниками. Впрочем, известно, что у многих народов вода имеет культовое и прежде всего магическое значение. Поэтому можно допустить, что информация Л. Сеницкого относится к тем группам хантов, для которых реки служили естественными путями сообщения, а богатейшие рыболовецкие угодья составляли основу хозяйственного быта. Напомним, что во времена Л. Сеницкого религией хантов был шаманизм со многими пережитками тотемизма.

На следующих страницах «Документа» помещены краткие сообщения о ненцах. Ненцев автор «видел только проездом по Оби, [они] носят в качестве одежды оленьи шкуры никак не сшитые, а только выделанные, с передними ногами, в которые всовывают руки, одну шкуру [носят] шерстью к телу, другую [сверх первой] вывернув шерстью наружу. Какого бы зверя [они] ни убили, все едят сырым и потому названы самоедами⁹. Вместо богов отливают медных болванов по образу человеческого и держат в своих жилищах; в жертву им приносят разные звериные шкуры, ездят на собаках, как лошадей запрягая [их] в нарты, [которые имеют] пять аршин в длину, и лишь три четверти аршина в ширину; [нарты] устроены подобно саням, на них накладывают по сорок пудов груза» (стр. 9). некогда основой существования ненцев была охота на северного оленя и других зверей и отчасти пастушеское оленеводство. Сообщение Сеницкого, что ненцы питались лишь сырым мясом — ошибочно, хотя в их рацион наряду с вареным мясом входило и сырое.

Описание ненецкой одежды у Сеницкого неполно. Он говорит только о так называемой «малице» — верхней глухой одежде, сшитой из кусков шкуры северного оленя. Кожаные штаны и меховая обувь ненцев в «Документе» не упоминаются.

Далее читаем в Документе известия об эвенках, называвшихся в старой литературе тунгусами. Народ этот отлично приспособился к суровым климатическим условиям. Л. Сеницкий пишет: «Потом привезли нас в Енисейск, откуда земля тунгусская начинается; язык у них иной, отличный от других народов: ходят они в необычном одеянии из выделанных звериных шкур, сшитых по их способу вместо ниток скрученными оленьими жилами. Оленью шерсть, окрашенную в красный цвет вокруг платья по подолу вместо бахромы, хвосты сзади вырезанные оставляют, на головах носят (...) сзади одну заплетенную косу; [они] люди большого роста; в глухих лесах постоянно ловят и стреляют разных зверей, добывают лесного зверя ради одежды, пищи и дани, [чтобы платить] царю¹⁰. У них уже домашние [северные] олени на которых [они] ездят, а важенок доят как коров; молодых оленят, которыми они телятся, приучают смолоду к рукам, так что они делаются домашними, не убегают от людей, а наоборот скучают по ним. Эти тунгусы постоянных (реwпуч) домов не имеют, все время с места на место передвигаются, чтобы кормить оленей; на тех же оленях перевозят свои юрты¹¹, по-польские палатки, в них [дверь] расстегнута и [тунгусы] зимой сидят около очага обнаженные, вокруг снегом осыпав. Бог у них черный медведь¹², а если им случится когда убить медведя, тогда над убитым прыгают, кричат, извиняясь, что сделали это не по своей воле, а по приказу, потому что и ружье русские делали, порох русские дали, приказав, чтобы обязательно медведей стреляли, находясь под их властью

⁹ О происхождении термина «самоеды» см.: Л. В. Хомич, Ненцы, Историко-этнографические очерки, М.—Л., 1966, стр. 24—28.

¹⁰ Здесь речь идет об уплате ясака пушниной. Кроме ясака, сибирские народы несли и другие натуральные повинности, ямскую службу и др.

¹¹ Здесь имеется в виду легкий конический шалаш звенков, а не жилища типа юрты, характерные для пастушеских народов Центральной Азии.

¹² Имеется в виду, конечно, не настоящий черный медведь (*Selenarctos Thibetanus* Cuvier), а бурый медведь (*Ursus arctos* L.). См. С. У. Строганов, Звери Сибири хищные, М., 1962, стр. 80—151.

должны выполнять их приказы, поэтому ты на нас не сердись. А если им когда-нибудь посчастливится в охоте на зверя, тогда делают помост из трех жердей и развешивают на нем лосиные или оленьи шкуры в честь медведя, благодаря за удачу» (стр. 10).

Сведения о культуре эвенков, содержащиеся в приведенных отрывках, соответствуют действительности того времени. Таково, например, указание на культ медведя у эвенков, характерное и для других народов Сибири, у которых существовал этот культ. Обычай просить прощения у убитого зверя с указанием на другого виновника является отражением первобытных верований, которые несмотря на деятельность православной церкви сохранились у эвенков до XX в. В основе этих верований лежит убеждение, что все живые существа равны человеку. Охотник верит, что ему грозит месть со стороны духа убитого зверя или даже всех других зверей этого вида, которые соединены между собой, как и люди, родственными связями. Поэтому необходимо всячески задобрить дух убитого и отвести его гнев на мнимого виновника¹³. Кстати сказать, эвенки постоянно охотились на медведей.

В заключение нужно сказать, что верность сообщения Л. Сеницкого подтверждена многократно и отмеченные им факты из области культуры эвенков находят свое отражение как в первом польском описании Сибири А. Каменского-Длужика, так и в позднейшей научной литературе.

Далее в «Документе» находим некоторые сведения о кочевом народе Забайкалья, который уже при Л. Сеницком вел организованное пастушеское хозяйство, основанное на разведении овец, крупного рогатого скота и лошадей, т. е. о бурятах. Вот как описывает автор встречу с бурятами: «Из Енисейска повезли меня в Ейск (Канск.— А. К.); проживая там в течение нескольких недель, я видел другой народ, называющийся Браты¹⁴ (буряты.— А. К.), которые держали перед тем под своей властью великую Татарию, расположенную в диких и промадных степях, где и теперь живут, обладая несметными стадами скота, лошадей, овец: [они] ходят в бараньих тулупах татарского фасона, только слишком долго и небрежно их носят; язык [у них] особый, [отличный] от татарского и от других народов. Имеют они также свои развлечения, ездят в поле верхом на лошадях загоняя всякого зверя и верхом же из луков стреляют диких коз и кабарожек»¹⁵.

Это очень общее описание бурят не противоречит данным других авторов. Следует, однако, добавить, что далеко не все буряты обладали крупными стадами скота. Известно, что у бедняков в лучшем случае было несколько овец или коров, имущество же наиболее богатых состояло из нескольких сот, часто даже тысяч голов, овец, лошадей, коров и коз. По свидетельству Георги¹⁶, бурятская семья, имея 20 голов «раз-

¹³ S. B. Kohutnicki, *Podobieństwo elementów kultury niedźwiedzia u ludów północnych obszarów Ameryki i Azji*, «Etnografia Polska», t. 9, 1965, s. 322—346; A. Ślawik, *Zum Problem des Bärenfestes bei den Ainu und Giliaken*, «Kultur und Sprache» (Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik), T. 11, 1952, O культе медведя см.: S. 189—203; С. А. Токарев, *Этнография народов СССР*, М., 1958, стр. 497—504; А. Ф. Анисимов, *Культ медведя у эвенков и проблема эволюции тотемистических верований*, сб. «Вопросы истории религии и атеизма», М., 1950; Г. М. Василевич, Некоторые данные по охотничьим обрядам и представлениям тунгусов, «Этнография», 1930, № 2.

¹⁴ И в русских источниках XVII в. этот народ выступает под именем «браты» или «братские люди», см.: С. А. Токарев, *Указ. раб.*, стр. 447. О «братском народе» упоминает и Копец, см. «Dziennik podróży Józefa Kopcia przez całą wzdłuż Azji...», s. 157 (Вопрос об этнической принадлежности братских людей до конца не решен. Существует мнение об их родстве с джунгарами.— Прим. ред.).

¹⁵ Охота была вспомогательным занятием бурятов, основу их хозяйства составляло скотоводство.

¹⁶ Цит. по К. Moszyński, *Ludy pasterskie, ich kultura materialna oraz podstawowe wiadomości o formach współżycia zbiorowego, o wiedzy, życiu religijnym i sztuce*, Kraków 1953, str. 376.

ных животных», жила бедно, тогда как имея 50 голов скота — жила в достатке. Для улучшения условий жизни, добавляет он, они занимались собиранием диких плодов и охотой, которая была хорошо развита у бурят.

Наиболее обширные этнографические материалы «Документа» касаются якутов, среди которых автор прожил наиболее долго. От... Илимска «спустили нас водой,— пишет Л. Сеницкий,— по реке очень большой и широкой, Леной именуемой, к Морю Ледовитому в Якутск: этот якутский народ отличается ото всех тамошних народов и языком и одеждой, язык имеет особенный, одежду [носят] наподобие шведской, только вся [она] из звериных шкур и облегает тело, сзади разрезы. Об этих якутах говорят, якобы некогда были родом из Швеции, и не желая переносить тягости, которые Шведы на них возлагали, собрались и, взбунтовавшись, сели с женами и детьми на корабли, пустились в море и были ветром принесены в Якутск, высадившись, разбив и прогнав из всего якутского округа тунгусов, которые в то время владели якутской землей, там поселились: летом занимаются рыболовством, с самой же осени отправляются в глухие пуши и дикие леса для охоты на соболей, лис, песцов, горностаев, белок, лосей, [северных] оленей, зубров, медведей, волков, пантер, тигров¹⁷ и иных имеющихся там животных: где убьют всякого зверя, там и едят [его] мясо, шкуры забирают домой, или царю платят дань и что им нужно покупают: денег же у них нет. За каждую шкурку [они] назначают цену; белка [идет] за копейку, горностаю за пять копеек... и этими шкурами пользуются вместо денег между собой... летом собирают ягоды — красную и черную смородину, чернику или пьянику, бруснику, которые в изобилии там рождаются, продают русским; морошка растет около Ледовитого Моря на мхах, похожа на малину только крупнее и тверже, желтая, как воск. Весной копают разные корни, заготавливая их себе на зиму для стола, а более всего весной сдирают сосновую кору, с которой отрезают серую и зеленую, а заболонь сушат и толкут в муку, а потом из нее кашу варят и едят, ею запасаются более всего. Жен имеют столько, сколько могут прокормить, и покупают у ее родственников..., а если не понравится, опять другому продают: а если иной год не посчастливится им в лесу на охоте за зверем, то для уплаты дани царю приводят в крепость Якутск жен и детей и продают русским навечно, не имея нисколько врожденной любви к своей собственной крови. Богом [они] почитают лебедя, а вместо попов у них шаманы, которые чернокнижную науку знают и надев железные панцири¹⁸ бьют в бубны, а на это битье в бубен приходит дьявол в образе лебедя и разговаривает с шаманом как человек, отвечая на всякий вопрос шамана, что уродится, кто умрет и кому посчастливится на охоте, в ловле рыбы и в других обстоятельствах... Эти якуты от русских, которые за них возьмутся платить царю ясак, то есть дань, с большой охотой принимают крещение по русскому обряду, а когда их крестные отцы уедут в Якутск и некому становиться за них царю дань платить, то опять возвращаются в свои леса к старым якутским обычаям, а русскую веру бросают и так себя ведут, как будто никогда не были крещены, а те, которые были русскими куплены и крещены, вернуться не могут, но только для господ своих русской веры держатся, ...сожалея о своей языческой жизни, к которой смолоду привыкли. Я говорил им тогда, что лебедь птица, [предназначенная] для еды, а не бог; вы его убиваете и русским продаете. На что они мне ответили, что наш бог... образ лебедя полюбил и в нем нам показыва-

¹⁷ Зубры, пантеры и тигры не встречаются на территории расселения якутов.

¹⁸ Кагасепа — вид панциря из металлических чешуек, прикрепленных к кожаной или сшитой из грубой ткани куртке. Шаманский костюм Л. Сеницкий называет панцирем из-за жестяных кружков, нашитых на кожаный кафтан.

ется, и он сильнее и мудрее всех русских богов и рассказывает нам обо всех будущих делах нам нужных и о чем мы его спрашиваем, того русские боги сделать не умеют и не могут» (стр. 11—13)¹⁹. Данные Сеницкого об якутах и их культуре достоверны (за исключением фантастической версии об их шведском происхождении), но нуждаются в дополнении. Вызывает удивление, что он умалчивает о скотоводстве, исконном занятии якутов, которое более всего отличало их от других народов северо-востока Азии, например юкагиров.

Легенда о шведской прародине якутов свидетельствует, что уже тогда их считали пришельцами, сегодня это представляется бесспорным²⁰. По поводу утверждения, будто «богом почитают лебедя», следует пояснить, что автор имеет в виду шаманского духа-помощника, который в представлении якутских шаманистов выступал в образе лебедя или других представителей сибирской фауны. Это ясно из контекста: «на это битье в бубен приходит дьявол в образе лебедя и разговаривает с шаманом как человек». В шаманизме якутов понятие верховного божества не было ни четким, ни общепринятым.

Обратимся к эвенам²¹, «которые до прихода якутов из Швеции совместно с тунгусами жили²², один язык имели, одних обрядов придерживались, одинаковую одежду носили; а когда тунгусы были выгнаны якутами с якутской земли, ламутки, живущие у Ледовитого Моря Лямой именуемого²³, выгнать себя не дали и как отважные свое бывшее владение удержали, и якутов начинали уже побеждать; и если бы московские люди не побили якутов, наверное перед ламутками не удержались бы якуты; и теперь, когда под московской властью оба эти народа находятся, однако, где только не сойдутся, то жестоко бьются²⁴. Эти ламутки богом считают медведя и от якутов научившись шаманству, то есть чернокнижию, от прежних тунгусов отличаются, но те заблуждения, которые от своих предков почитали за наилучшую правду и до сих пор у себя хранят» (стр. 13).

Мы видим, что сведения Л. Сеницкого в «Документе» об эвенах весьма отрывочны и малоинтересны. Утверждения Сеницкого, что эвены восприняли шаманизм от якутов, неверно, шаманизм был автохтонной религией для всей Центральной Азии и Сибири и существовал у обоих народов независимо друг от друга.

Этнографические материалы на страницах «Документа» заканчиваются краткими известиями об юкагирах, чукчах, коряках и камчадалах. Л. Сеницкий имел возможность собрать материал об этих народах лишь тогда, когда их немногочисленные представители попадали в Якутск в торговых целях или в качестве служилых людей. Они собирались здесь для всякого рода экспедиций, отправлявшихся отсюда в Северо-Восточную Азию.

¹⁹ Этнографические сведения приводятся Сеницким бессистемно, описания материальной культуры перемежаются с вопросами из области общественной и духовной культуры, однако внимательный исследователь заметит, что это не уменьшает ценности самих материалов.

²⁰ О прародине якутов из польских работ см.: W. Sieroszewski, Dwanaście lat w kraju Jakutów, cr. I, Kraków, 1961, s. 161—194.

²¹ Эвены — народ, родственный эвенкам по происхождению, культуре и языку. В русских источниках XVII—XIX вв. эвенов называют лямутами или ламутами. Этноним «лямут» или «ламут» выводится из эвенкийского языка. См. «Народы Сибири», стр. 760.

²² В период, предшествующий приходу якутов в область современного их расселения, территория эта была заселена в большей части тунгусскими племенами эвенов и эвенков, а на севере — народом палеоазиатской группы — юкагирами. Подробнее см.: Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке, М., 1960, стр. 442—548.

²³ На языке эвенов слово «ламу» означает «море», «озеро», «водное хранилище» («Народы Сибири», стр. 760).

²⁴ О борьбе якутов с тунгусскими племенами см.: W. Sieroszewski, Указ. раб., т. I, стр. 195—216.

О коряках Л. Сеницкий пишет, что они «особый язык и одежду из звериных шкур другой формы имеют. Из любопытства подошел я поглядеть на них, когда нас много там стояло, выскочила сбоку свинья, мы ее не заметили. А тот коряк, увидев свинью, упал на землю, вопя, что должен умереть, потому что он увидел здесь своего бога... когда та же свинья возвращалась, он вновь упал и завопил, тогда мы поняли, что он делал это для свиньи; взявши его показали мы ему свинью, объясняя, что свинья такая грязная и отвратительная тварь богом быть не может; ... [но этот] простодушный и неотесанный народ своих старых обычаев и закоренелого упрямства больше придерживаясь, справедливых уговоров и действительной правоты принять не хотел» (стр. 13, 14).

В этом кратком сообщении о коряках мы находим новые сведения относительно их представлений о виновнике смерти. О таких представлениях не упоминает ни С. П. Крашенинников, ни В. Иохельсон²⁵, автор этнографической монографии о коряках. В. Иохельсон в начале XX в. установил, что, по господствующим у коряков представлениям, смерть является наказанием за нарушение табу или за то, что не приносились жертвы отдельным божествам. Смерть могли также наслать злые духи «калау» или «большой ворон» — творец мира и жизни на земле²⁶. В свете информации Л. Сеницкого можно, следовательно, допустить, что свинья, которая «сбоку выскочила», была воспринята в соответствии с коряцким представлением о злых духах «калау», которых наивысшее существо посылало на землю тогда, когда хотело вызвать смерть человека²⁷.

Заканчивая обзор этнографических материалов «Документа», следует добавить, что имеющиеся в нем упоминания об юкагирах и чукчах слишком общи и ничего не дают для ознакомления с их культурой в XVIII в. Несколько больше сообщает Л. Сеницкий о камчадалах. Они «... от других отличаются языком и одеждой, которая, однако, вся из звериных шкур, еда более всего из морских рыб, что [море] им выбросит, тем более всего и питаются; летом выкапывают также различные корни, которые заготавливают себе на зиму. Но самое интересное, что есть у них там разные травы, пригодные для лекарств, которыми и сами эти простые люди лечатся и русским людям уделяют, а особенно зелье, именуемое зверобой²⁸, которым почти все дефекты своего нутра спасают. Богом считают орла, из перьев которого делают стрелы и ими от неприятелей обороняются и всякого зверя бьют. Эти камчадалы привезли с собой несколько взятых в плен японцев, которые, плывя в Китай с товарами, морской бурей занесены были на Камчатку, корабль их разбился, одни потонули, а эти, взятые камчадалами в плен, были препровождены в Якутск» (стр. 15). Эти известия не требуют разъяснений. Их достоверность подтверждают упоминавшиеся труды Г. В. Стеллера и С. П. Крашенинникова. Напомним, что сходные известия о жителях Камчатки сообщил Ю. Копец, взятый в плен в битве под Мацейовицами и увезенный на Камчатку.

* * *

Какой же представляется нам ценность этнографических материалов, содержащихся в этом польском источнике XVIII в.? Можно утверждать, что автор «Документа» имел довольно верное представление о культуре

²⁵ С. П. Крашенинников, Указ. раб.; W. Jochelson, The Koryak, part 1 — 2, The Jesup North Pacific expedition, «Memoir of the American Museum of Natural History», Leiden — New York, 1905 — 1908.

²⁶ W. Jochelson, Указ. раб., т. I, стр. 101.

²⁷ Там же, стр. 27, 101.

²⁸ Речь идет о растении *Gentianaе* spec., которое употребляется как лекарство. Растение это упоминает С. П. Крашенинников (Указ. раб., стр. 442).

некоторых групп коренного населения Сибири. Л. Сеницкий заметил культурную разнородность, являвшуюся результатом пестроты этнического состава населения этой огромной территории. Хотя этнографические сведения, содержащиеся на страницах «Документа», не дают полного представления о быте описанных в нем народов, тем не менее они по нашему мнению, помогут этнографам в изучении культурных изменений, происшедших на территории Сибири под влиянием русской культуры.

AN XVIII CENTURY DESCRIPTION OF SIBERIA

(MATERIALS OF L. SIENICKI ON THE SIBERIAN ABORIGINES AND THEIR CULTURE)

A not inconsiderable role in the ethnographic study of Siberia has been played by Poles who lived there in the Tsarist period. One of the valuable sources left by these is the «Document...» (see note 2 in this article), written by L. Sienicki (1677—?) — a colonel of Polish Royal troops, brought by fate into far distant Yakutsk where he stayed until 1722. In his «Document» (published in Vilnius, 1754) he devoted the first few pages to a description of his journey through Siberia and of the peoples he met — Komi-Zyrians, Komi-Permiaks, Mansis, Khants, Nentses, Evens, Evenks, Buriats, Yakuts, Koriaks, and Kamchadals. L. Sienicki's information is characterized by a great number of interesting facts from the life of these ethnic groups and supplements other sources on the ethnography of Siberia. The value of the notes by the author of the «Document» consist in the picture which they give of Siberian native culture before the penetration of European civilization.
